

Л. В. Дубаков

ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ ОБРУСЕНИЕ
БУДДИЙСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
В РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОЙ УТОПИИ
ЦИКЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ СИМФОНИЯ»
И. А. АЛИМОВА И В. М. РЫБАКОВА

Поступила в редакцию 18.02.2022 г.

Рецензия от 22.02.2022 г.

85

Проанализированы способы русификации буддизма в цикле романов Хольма ван Зайчика (В. М. Рыбакова и И. А. Алимова) «Евразийская симфония». Буддийские идеи (например, идея кармы в разных ее видах), буддийские образы (в частности, образы архитектурные), буддийская лексика вписываются авторами в традиционные координаты русской культуры. Буддизм, изображенный В. М. Рыбаковым и И. А. Алимовым в романах цикла, предлагает ответы на сложные проблемы, обозначенные русской культурой и литературой (вариант теодицеи), становится частью русской священной географии (соприсутствие православных и буддийских храмов на одной земле), порождает новую, парадоксальную идиоматику. Авторы цикла «Евразийская симфония» на основе транскультурного взаимодействия религий создают утопию религиозно-культурного синкретизма под видом альтернативной истории. При этом основной модус повествования в романах цикла – соединение серьезного и иронического отношения к создаваемому художественному миру, что дает возможность разновариантного прочтения «Евразийской симфонии».

The article analyses the ways of Russification of Buddhism in the cycle of novels by Holm van Zaichik (V. Rybakov and I. Alimov) "Eurasian Symphony". Buddhist ideas (for example, the idea of karma in its various forms), Buddhist images (in particular, architectural images), Buddhist vocabulary are integrated by the authors into the traditional patterns of Russian culture. Russian Buddhism depicted by V. Rybakov and I. Alimov in the novels of the cycle offers answers to complex challenges identified by Russian culture and literature (a version of the theodicy), becomes a part of Russian sacred geography (the co-presence of Orthodox and Buddhist temples on the same land), generates a new, paradoxical idiomatics. The authors of the cycle "Eurasian Symphony" create a utopia of religious and cultural syncretism on the basis of transcultural interaction of religions in the guise of alternative history. At the same time, the main mode of narration in the novels of the cycle is the combination of a serious and ironic attitude to the created artistic world, which makes it possible to read the "Eurasian Symphony" in a variety of ways.

Ключевые слова: утопия, альтернативная история, религия, обрусение, транскультурное взаимодействие, синкретизм



Keywords: utopia, alternative history, religion, Russification, transcultural interaction, syncretism

Семь романов, написанные И. А. Алимовым и В. М. Рыбаковым под псевдонимом Хольм ван Зайчик в рамках цикла «Евразийская симфония», представляют собой религиозно-культурную утопию. Завершая статью «Ордусская правда» [19], посвященную этим книгам, и характеризуя специфику межнационального и религиозного устройства Ордуси, государства, существующего в пространстве альтернативной истории, М. Звездецкая приводит мысль Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо о том, что в сегодняшнем мире ни одна из религий в одиночку не способна совладать с многообразными и все усугубляющимися человеческими проблемами [27, с. 309–326]. Отсюда, по мнению критика, и произрастает не столько литературный, сколько именно религиозно-культурный цикл романов И. А. Алимова и В. М. Рыбакова, в котором они пытаются спроектировать возможное лучшее будущее для России, основанное на экуменической этике, что, в частности, предполагает не только мир между разными религиями и разными народами, но и взаимное признание уникальности традиционных религий, своеобразности всех наций, а также их союзничество, сотрудничество. Цветущая Ордусь — это «мир, отформатированный по-русски, мир, построенный по тем лекалам, которые Вячеслав Рыбаков издавна прикладывает к «русской цивилизации». К единственной, по его собственным словам, мировой цивилизации, которая расширялась и побеждала, никого не колонизируя и не унижая, которая вбирала в себя «покоренные» народы, становясь для них вселенной» [29]. Совершенно иначе смотрит на проект И. А. Алимова и В. М. Рыбакова Е. П. Чудинова. В статье «Вышел зайчик клеветать» она подвергает критике китаецентричность Ордуси и исподвольное отрицание русской культуры и христианства в цикле «Евразийская симфония» [28].

В Ордуси на равных правах присутствуют несколько религий — конфуцианство, буддизм, даосизм, православие, ислам, иудаизм и другие. В заметке «Империя наносит ответный удар» А. Гориченский пишет: «Ордусь «собрана из запчастей» современной России и средневекового Китая. Сюда же стоит добавить «запчасти» Советского Союза — десятилетиями провозглашаемые, но никогда не воплощаемые в жизнь ценности, мифологизированные и ставшие частью народного сознания» [6]. Фактически в этом обнаруживается слияние двух опытов религиозного синкретизма — русского и китайского. Однако если реальная Россия сегодня постепенно дошла до состояния мирного сосуществования и взаимного невмешательства четырех традиционных религий и иных, издавна находящихся на территории страны, то опыт прошлого Китая заключается еще и в распределении сфер влияния между религиями. По словам авторов, в реальном Китае «конфуцианство занималось этикой, буддизм заведовал вопросами загробного воздаяния, даосизм изучал бессмертие и воевал злых духов — это основа китайского синкретизма» [19]. Ф. Н. Двинягин в радиопередаче на «Радио России» конкретизирует эту китайскую вероисповедную дифференциацию: по его словам, в цикле «образцом не раз выставляется и Китай, где сожительствуют кон-



фуцианство, буддизм и даосизм, причем в сознании каждого конкретного человека. Монгольская терпимость — людей разных религий, китайская — разных религий в одном сознании» [9].

Оглядываясь на современные экуменические тенденции [11, с. 50], на реальный опыт религиозно-культурного строительства России и Китая, на перекодированную с минуса на плюс идею панмонголизма [22, с. 245], на идеи философии евразийцев [21, с. 46], размышлявших об историческом сосуществовании русской и азиатской культурно-религиозных формаций, И. А. Алимов и В. М. Рыбаков вместе с тем в качестве интегральной этико-философской основы для Ордуси избирают конфуцианство, чьи принципы, удаленные от метафизики, но исполненные балансирующей ритуализированной мудрости, регламентируют государственную и бытовую сторону жизни для всех без различия. Т. Н. Бреева о конфуцианстве в идеократическом государстве Цветущая Ордусь пишет следующее: «Воплощением “идеи-правительницы” в этом случае выступает конфуцианство, которое, в отличие от буддизма, христианства, ислама и иудаизма, сохраняющих конфессиональный статус, приобретает значение главного этического регулятора жизни человека и государства» [3, с. 102]. По мысли Ш. Исраэля, «сотворенная ван Зайчиком Ордусь — альтернативный вариант развития нашей планеты, и в этом смысле книга сродни великим утопиям прошлого... Это и книга религиозного поиска: жители Ордуси — синкретисты, православные, мусульмане, буддисты, а империю держат воедино идеи Конфуция: почитание старших, стремление к законопорядку, предпочтение общего интереса личному, государство как одна большая семья. Строгую иерархичность конфуцианства умеряет принцип гармонии: все допустимо, пока это не противоречит общей целостности» [20, с. 189]. Другие же религии, сохраняя свою метафизическую специфику и обособленность, окрашиваются конфуцианским мировоззрением и приобретают национально-культурные черты тех регионов, где их присутствие в реальном мире не является преобладающим.

Поскольку точкой отсчета для «Евразийской симфонии» является русская культура, к которой принадлежат авторы и читатели романов, значительная часть действия происходит в русском улусе, а один из главных героев цикла — это буддист Багатур Лобо, то значительное место в «Евразийской симфонии» занимает буддизм и особенности его пребывания и восприятия в исконно русском, Александрийском улусе государства Цветущая Ордусь. Характеризуя организацию системы персонажей в цикле «Евразийская симфония», Т. Н. Бреева говорит о контрасте как основном принципе соотнесения двух главных героев — Багатура Лобо и Богдана Оуянцева-Сю. Традиционные оппозиции, свойственные западным маскулинному и рефлексивному героям, в их случае дополняются «национальной и конфессиональной контрастностью (буддийский Восток — русское православие)» [3, с. 107]. При этом важно, что «происходит взаимоналожение канонических амплуа и специфических национальных примет; так, рефлексивность Богдана мотивируется православным комплексом, что подчеркивается уже самим положением героя как представителя органа этического надзора, активность Багатура базируется на осознании неизбежности кармических законов» [Там же]. Согласно критическому мнению И. Б. Роднянской, буддизм в принципе



находится в центре этого цикла, остальные же религии заглушены или дискредитированы, как, например, христианство: «предпочтение, естественно, отдается китайскому простонародному пантеону буддийских божеств и духов, всяческим воскурениям, гаданиям и кармическим перерождениям» [26, с. 335].

Одна из буддийских идей, которая отзывается практически во всех романах цикла, — идея кармы. Речь идет не только о «загробном воздаянии», карма — это закон причины и следствия, которое непременно наступает после совершенного деяния. Так, сама дружба и периодические совпадения во времени и пространстве Багатура Лобо и Богдана Оуянцева-Сю видятся первому из них как результат кармы, о чем он не раз себе говорит. В романе «Дело незалежных дервишей» звучит мысль о разрастании зла при его непрекращении, что оказывается одним из аспектов закона причин и следствий: «...тот, кто поступает нечестно, раньше или позже оказывается вынужденным совершать преступления, таков закон кармы» [14, с. 178]. В романе «Дело Судьи Ди» присутствует мысль о смиренном отношении к происходящему, поскольку в значительной степени оно является результатом кармы: «Ибо как знать — куда кинет жизнь, как повернется прихотливыми путями неумолимой кармы и кто мы такие, чтобы требовать от жизни большего, чем она в своей щедрости и так дает нам?..» [18, с. 186]. В романе «Дело победившей обезьяны», напротив, развивается мысль о необходимости мужественного человеческого усилия, так как карма создается самим человеком: «Пусть я всего лишь винтик, пусть ничтожный ланчжун, каких много, пусть так. И что же — жить дальше, каждый день думая о том, что хоть и поступил правильно, а — не правильно?! Чему быть, того не миновать. Карма. Карма!» [17, с. 230].

Наконец, в романе «Дело лис-оборотней» принцип кармы оказывается тем, что переводит преступление из разряда уголовных в разряд философско-метафизических: убийство лис-оборотней не может повлечь за собой уголовного наказания в Ордуси, но уже привело к смерти нескольких новорожденных детей. Роман и дело, раскрываемое в нем, начинаются с сюжетного пролога. Багатур Лобо ловит преступников и едва не погибает. Эта возможная гибель и счастливое спасение мыслится им как результат кармы: «Карма, карма... — мысленно проворчал Баг. — То, что фонарь зажегся вовремя, — это ведь тоже карма. Стало быть, все случилось правильно, и мне не суждено пока отправиться на встречу с Яньлю-ваном...» [13, с. 21]. Эта же мысль содержится и во втором прологе — о смерти племянницы возлюбленной Бага: «Карма! Нечего говорить» [13, с. 23]. Отец умершей девочки, не споря с Багом, берет вину на себя, фактически обозначая лежащие на поверхности причины смерти младенца, Баг и Богдан в финале книги укажут на причины глубинные. Роман «Дело лис-оборотней», таким образом, не только приводит буддийский вариант ответа на карамазовский вопрос о «слезинке ребенка» [10, с. 277], но и обозначает сложную механику закона кармы (неслучайно в списке рекомендованной авторами литературы оказывается классическая работа Васубандху о карме [5]), которая учитывает многообразные отношения между живыми существами, переходящими из рождения в рождение и меняющими свои формы, но сохраняющими при этом прежние связи. Параллелью к этой мысли является перевод новеллы Ли



Сянь-миня, выполненный И. А. Алимовым, герой которой составил поминальный текст для лиса-оборотня со словами о существовании круговорота перерождений и о возможности разнообразных телесных трансформаций [2].

В романе «Дело непогашенной луны» механизм работы кармы переводится на научный язык. Мордехай Ванюшин в сердцах говорит о властях Ордуси: «Колесо сансары, понимаете ли, им понятней, чем разрушение наследственного вещества микродозами радиации! Ом мани падмэ хум, понимаете ли! Впрочем, нет, это не здесь... Да какая разница! Отче наш иже еси... э-э... на небеси...» [15, с. 128].

При этом для И. А. Алимова и В. М. Рыбакова важна оказывается не только сама по себе буддийская идея кармы, но и ее соотнесение с православной русской культурой. Буддийский наставник Баоши-Цзы пишет для Багатура Лобо гатху (эти гатхи в романах являются одним из ключей к разрешению конфликтов): «Кто в этой жизни добрым был — в будущей станет божеством. // Кто в этой жизни зло творил — в ад попадет или родится шелудивым псом. // Безвинных тварей не убий, лечи недужных, старым помоги. // Позор и слава, счастье и горе — всему мерилом лишь поступки наши» [13, с. 37], — а она отзывается его мыслями о причинах страдания и смерти в том числе тех, чья вина не может быть увидена и осознана человеком:

Великий наставник, лишь взглянув на Бага, своей гатхой сумел исчерпывающе ответить на невысказанный вопрос: отчего бывает так, что умирают маленькие невинные дети, всего несколько дней радовавшие своими криками этот прекрасный мир? Вопрос нелепый и даже неуместный, Баг и сам знал. Но чувства не могли с таким ответом смириться. Баоши-цзы одним рощерком кисти подтвердил: карма неумолима, и если дети умирают во младенчестве, значит, деяния предыдущих рождений стагилли их, ибо таково положенное воздаяние, причины коего они создали сами и только сами. Ибо у кармы, как и у камня, нет чувств и сострадания, ей неведомо человеколюбие и проистекающее из него стремление простить [13, с. 38].

Этот фрагмент содержит в себе не только невысказанный вопрос Бага, но и подспудно — вопрос о милосердии Бога, один из сложных вопросов христианской культуры, сформулированных Ф. М. Достоевским. Иными словами, И. А. Алимов и В. М. Рыбаков предложили в романе «Дело лис-оборотней» буддийскую теодицею. То же — во взаимоотношениях главных героев: мысленное замечание Бага о том, что его напарник Богдан — это результат обоюдной благой кармы, уравнивается замечанием православного Богдана: «Его мне Господь послал» [12, с. 127]. Получается, что два фундаментально отличающихся религиозных мировоззрения внутри русской культуры (Баг и Богдан — оба русские) вступают в заочный диалог, сближаются через благородство поступков тех людей, что их разделяют.

Тема кармы имеет давнюю историю в творчестве И. А. Алимова. Так, в 1987 году он написал рассказ «Карма». Этот рассказ чем-то по сюжету и замыслу похож на рассказ В. О. Пелевина «Вести из Непала». Главный герой, рабочий Семен Кусатый, просыпается с головной болью, с запахом газа в квартире и ощущением странности происходящего. Его това-



рищ по работе произносит слово «карма», позже говорит, что ему было явление Зеленого Будды. Финал же рассказа, вероятно, свидетельствует о том, что Кусатый уже сутки как умер: «И тут будто кто-то невидимый провел по глазам Семена шершавой ладонью — тянущее противное ощущение исчезло, мир на мгновение вспыхнул и потух» [1]. И, таким образом, метафорическое замечание о «смерти» бульника в самом начале, гротескные образы распадающейся реальности, песни о смерти, вроде «Сказки» В. Р. Цоя или «Степь да степь...» на стихи И. З. Сурикова, по ходу рассказа прочитываются задним числом как приметы посмертного бытия — бардо. Но, в отличие от героев пелевинского рассказа, Кусатый воспринимает свою смерть не только как прозрение о майвичности и страдательности жизни, но и как озарение — о возможности иного, всеобъемлющего и чистого среди бытовой и заводской «дряни». Неслучайно рассказу предпослан эпиграф из песни Б. Б. Гребенщикова «Река», содержащий образ метафизической реки бытия, проходящей сквозь человека. Обратная возможная параллель — это шуточное обозначение места, где написано произведение. Роман В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота» написан в за-мысленном «Кафка-юрте» [24, с. 414], находящемся, вероятно, в метафизической Внутренней Монголии, роман «Дело непогашенной луны» — в Шамбале.

Религиозная толерантность Ордуси простерлась насколько далеко, что храмы разных религий свободно появляются во всех улусах, в том числе в священных местах друг друга. Так, в Александрии Невской (она же — Санкт-Петербург), заполненной «храмами самых разных конфессий» [17, с. 43], на проспекте Всеобъемлющего Спокойствия (он же — Невский проспект) рядом с православными храмами возвышаются храм Конфуция (вместо Исаакиевского собора) [25, с. 144], на крыше которого «в затылок друг другу выстроились оскалившиеся на злых духов львята» [12, с. 10], и Храм Света Будды с мощами Бодхидхармы, в котором «гул барабана догнал низкий рев большого колокола» [12, с. 10]. Оба храма, таким образом, не скрывают своего существования в русском пространстве: и визуально, и акустически они обозначают свою духовную работу, внешне далекую от православной.

Более того, в Александрии Невской сопрягается и сакральная топонимика: к Храму Света Будды через Неву-хэ ведет мост Святой Троицы (он же — Троицкий мост). Буддийские авторские экклезионизмы, таким образом, становятся органической частью православного александрийского (петербургского) пространства. То же — в Моськэ (или Москве), где на набережной возвышается тридцатитрехъярусная пагода Храма Тысячеликой Гуаньинь (по замечанию Т. Н. Бреевой, «история которого повторяет историю храма Христа Спасителя» [3, с. 99]), с которой видны многочисленные «храмы и колокольни» [17, с. 93] города.

Буддийский монастырь Чанцзяосы в Ордуси был построен на Соловецких островах, на что дала разрешение православная соловецкая община, руководствуясь принципом «Святая земля — она для всех святая, Господь ее для сомолитвенных усилий да душеспасительного тружdenия создал, а не для кого-то одного» [13, с. 46]. Православные спокойно восприняли и переименование буддийской сангхой Секирной горы в Тибет. Буддисты попросились на Соловки из-за схожих с Тибетом ланд-



шафтных и климатических условий: «Не менее православных благоговяющие перед холодными, пронзительными красотами возвышенно-уединенных мест земных, духовные дети Будды не могли не заметить этих удивительных северных островов и не ощутить их близости к небесам» [13, с. 45]. В суровые, горные и холодные условия устремились и другие буддийские храмы и монастыри: буддийский монастырь был основан близ Шали, также в Ордуси «была выстроена без единого гвоздя сорокапятаярусная пагода в буддийском монастыре Юаньбэй Шаолинь — “Очень северный Шаолинь”, что на Новой Земле, на мысе Возвышенных Желаний» [18, с. 25].

Главы храмов и монастырей разных конфессий не только сотрудничают в общественной сфере (вроде строящих планетарий отца Киприана, настоятеля Соловецкого монастыря, и Шанцзо Хуньдургу, настоятеля монастыря буддийского), но и совместно совершают духовные деяния (например, что-то похожее на обряд экзорцизма производят Баоши-Цзы и отец Кукша в Храме Света Будды в Александрии Невской). В целом буддизм буквально оказывается созвучен православию в Ордуси, на Соловках, где «сверкающий радужный перезвон православных колоколов» соединяется с «мерным и медлительным рычанием колоколов буддийских» [13, с. 55].

И. А. Алимов и В. М. Рыбаков в цикле обозначают, кроме того, и мистическое сближение русского православного и буддийского. Причем как в серьезном, так и в пародийном виде. В романе «Дело лис-оборотней» Святой Савватий прибывает к тудишэню, духу местности, с приказом от Небесного Владыки. И. Б. Роднянская видит в этом сюжетном повороте не меньше, чем поругание христианства: «Превращая чтимого соловецкого святого в персонажа сказки, витающего над буддийским монастырем Вечно-истинного учения, а Северную Фиваиду — в твердьню все того же “синкретизма”, авторы, конечно, не рассчитывали на умиление православных читателей, но правильно предположили, что таких — ничтожное меньшинство и потеря невелика, зато многие прочие после этих забавных экзерсисов с особенной охотой устремятся в широкие врата Ордуси. Цена пропуска — почти нечаянный, почти безболезненный отказ от Христа» [26, с. 332]. В романе «Дело о полку Игорева» Баг посещает выставку художника Гэлу Цзунова (И. С. Глазунова) и растматривает картину «Бессмертная Ордусь» (отсылка к «Вечной России»), на которой князь Александр Невский стоит на фоне горы Сумеру (священной горы в буддийской космологии [23, с. 542]), а также картину, являющуюся отсылкой к «Великому Китаю», на которой к Будде, Лао-Цзы и Конфуцию добавлены Христос и Мухаммад, и все они пребывают на горе Синай.

Буддизм русифицируется в цикле «Евразийская симфония» также на лексическом уровне. По критическому мнению И. Б. Роднянской, «авторы как стилисты воспроизводят навыворот дело Петра, чья эпоха насытила русскую речь варваризмами с другой стороны света (впоследствии ассимилированными), а вместе с ними — и новым складом ума» [26, с. 330]. В романе «Дело лис-оборотней» появляется неологизм «кармолюбивый», который, вероятно, произведен по аналогии с эпитетом «боголюбивый». И. А. Алимов и В. М. Рыбаков переделывают русские по-



словицы и поговорки, православные обращения к божеству, оставляя их синтаксический каркас и отдельные слова, но наполняя иным, буддийским содержанием и создавая «альтернативную идиоматику» [25, с. 146]: «Если бы да кабы, так и вся карма на дыбы» [14, с. 221], «Будда надвое сказал» [14, с. 241], «хвала Будде» [16, с. 140], «видит Будда» [16, с. 72], «милосердная Гуаньинь» [16, с. 18], «что Будда пошлет» [13, с. 187], «слышали звон, а Будду — вон...» [17, с. 15], «Если будет на то воля Будды...» [17, с. 18]. Более того, в романе «Дело о полку Игореве», то ли в словах повествователя, то ли в объединенном потоке мыслей Бага и Богдана, через запятую идут восклицания: «Господи Иисусе, Гуаньинь милосердная» [16, с. 317].

92

Буддийские коды обнаруживаются в фамилиях персонажей. Так, Мордехай Ванюшин из романа «Дело непогашенной луны» говорит сам о себе, что его фамилия созвучна иероглифу «вань», который означает буддийскую свастику, печать сердца Будды. При этом фамилия «Ванюшин» в первую очередь расшифровывается как отыменная, вызывая в сознании мысль об одном из самых укорененных и востребованных в русской культуре имен. Фамилия одного из главных героев — Богдана Оуянцева-Сю — отсылает к имени китайского поэта, эссеиста, мыслителя и государственного деятеля XI века. Оуяна Сю. И вместе с этим офаа миленным именем к образу Богдана подключается сложная — между признанием и критикой — история отношения Оуяна Сю к буддизму в Китае. Богдан как бы преодолевает исторический и государственный комплекс своего пращура.

В целом последнее относится и к одному из литературных источников «Евразийской симфонии». Известно, что в этнодетективных романах Роберта ван Гулика (его имя породило псевдоним Хольм ван Зайчик, а имя главного героя его книг дало имя коту Бага) отношение к буддизму судьи Ди также было неоднозначным: с одной стороны, он, будучи убежденным конфуцианцем, смотрит на эту религию критически, с другой — признаёт право буддизма на провозглашение истины [7; 8].

По мнению А. Валентинова, задающего вопрос, насколько история Цветущей Ордуси адекватна реальной мировой истории, буддизм вряд ли бы вообще мог в ней существовать по причине своего «неактивного и непреобразовательного» характера, либо он должен был бы существенно трансформироваться: «буддийский храм в Александрии должен был выглядеть несколько непривычно, а встреча героя романа с отцом-настоятелем мало бы отличалась от встречи сегодняшнего опера с православным священником. Дух (ментальность, характер) народа всегда оказывается сильнее любых догм, и религии, дабы выжить, вынуждены приспособливаться... Итак, лик буддизма в Ордуси должен иметь славянские скулы и татарский разрез глаз» [4]. Вместе с тем не так радикально, но, собственно, именно это и произошло в цикле «Евразийская симфония». Буддизм, его идеи, его образы, его лексика на основе конфуцианского принципа «жэнь», принципа взаимодополнительности [11, с. 51], и принципа соединения разных религий в одном сознании встроились в пространство русской культуры Александрийского улуса, буддизм у И. А. Алимова и В. М. Рыбакова отчасти русифицировался: предложил свои ответы на традиционные проблемы, поставленные русской культу-



рой, вписался в русскую сакральную географию и общественную и религиозную жизнь, сконструировал альтернативную идиоматику.

При этом русификация буддийских реалий в цикле, ее утопическая идеологическая смелость, неожиданное транскультурное взаимодействие православного русского и буддийского смягчаются иронической интонацией авторов. И. А. Алимов и В. М. Рыбаков, подобно Б. Б. Гребенщикову, различными способами встраивают буддийские реалии в пространство российской культуры и повседневности. Но в отличие от Б. Б. Гребенщикова, буддийские песни которого можно разделить на серьезные и иронические, в романах Хольма ван Зайчика серьезность и ирония присутствуют одновременно.

Список литературы

1. Алимов И. А. Карма // In Beetween : [страница И. Алимова на сайте издательства «Петербургское востоковедение»]. URL: <http://www.pvost.org/alimov/pages/txt/misc/karma.html> (дата обращения: 27.01.2022).
2. Алимов И. А. Китайский культ лисы и «Удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-миня // Петербургское Востоковедение. СПб., 1993. Вып. 3. С. 228–254.
3. Бреева Т. Н. Евразийство в структуре русского историософского романа рубежа XX–XXI веков // Евразийство и проблемы современной науки. Казань, 2012. С. 99–109.
4. Валентинов А. Пекин на Неве // Плохих людей нет : [страница Хольма ван Зайчика на сайте издательства «Петербургское востоковедение»]. URL: http://orduss.pvost.org/pages/press_7.html (дата обращения: 27.01.2022).
5. Васубандху. Учение о карме / предисл., пер. с санскрита и коммент. Е. П. Островской и В. И. Рудого. СПб., 2000.
6. Гориченский А. Империя наносит ответный удар. Пока — удар литературный // Плохих людей нет : [страница Хольма ван Зайчика на сайте издательства «Петербургское востоковедение»]. URL: http://orduss.pvost.org/pages/press_5.html (дата обращения: 27.01.2022).
7. Гулик Р. ван. Золото Будды. М., 2009.
8. Гулик Р. ван. Поэты и убийцы. М., 2010.
9. Двинятин Ф. Н. [Выступление на «Радио Россия. Петербург» 10.11.2001] // Плохих людей нет : [страница Хольма ванн Зайчика на сайте издательства «Петербургское востоковедение»]. URL: <http://orduss.pvost.org/old/pages/dvinyatin.html> (дата обращения: 27.01.2022).
10. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман в 4 ч. с эпилогом. М., 1981. Ч. 1–2.
11. Дубакова А. А. «Евразийская симфония» Хольма ван Зайчика как утопия панрелигиозного и пансоциального экуменизма // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2–3. С. 50–51.
12. Зайчик Х. ван. Дело жадного варвара : [роман] М. ; СПб., 2020.
13. Зайчик Х. ван. Дело лис-оборотней : [роман]. М. ; СПб., 2020.
14. Зайчик Х. ван. Дело незалежных дервишей : [роман]. М. ; СПб., 2020.
15. Зайчик Х. ван. Дело непогашенной луны : [роман]. М. ; СПб., 2020.
16. Зайчик Х ван. Дело о полку Игорева : [роман]. СПб., 2004.
17. Зайчик Х. ван. Дело победившей обезьяны : [роман]. М. ; СПб., 2020.



18. *Зайчик Х. ван.* Дело Судьи Ди : [роман]. М. ; СПб., 2020.
19. *Звездецкая М.* Ордусская правда // Плохих людей нет : [страница Хольма ван Зайчика на сайте издательства «Петербургское востоковедение»]. URL: <http://orduss.pvost.org/pages/vz.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).
20. *Израэль Ш.* Наше прошлое — дело нашего будущего // Новая русская книга. 2001. №3—4. С. 188—196.
21. *Кондаков Б. В., Ван Кэвэнь, Красноярова А. А.* «Китайский текст» русской литературы XXI века // Казанская наука. 2018. №10. С. 44—48.
22. *Лобин А. М.* Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века. Ульяновск, 2015.
23. *Неаполитанский С. М., Матвеев С. А.* Энциклопедия буддизма. СПб., 2007.
24. *Пелевин В. О.* Чапаев и Пустота. М., 2003.
25. *Полухина Я. П.* Авторская модель альтернативной картины мира и ее языковая реализация в произведениях Хольма ван Зайчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №1 (31) : в 2 ч. Ч. 1. С. 143—147.
26. *Роднянская И. Б.* Ловцы продвинутых человек / Движение литературы : в 2 т. М., 2006. Т. 2. С. 326—337.
27. *Тэнзин Гьяцо (Далай-лама XIV).* Этика в новом тысячелетии / пер. с англ. и ред. И. Мальского, Е. Кисленковой. М., 2006.
28. *Чудинова Е. П.* Вышел зайчик клеветать // Агентство политических новостей. URL: <https://www.apn.ru/publications/article33987.htm> (дата обращения: 27.01.2022).
29. *Юрьев Д. А.* Еврабия против Ордуси // Русская Idea : сайт консервативной политической мысли. URL: <http://politconservatism.ru/experiences/evrabiya-protiv-ordusi> (дата обращения: 27.01.2022).

Об авторе

Леонид Викторович Дубаков — канд. филол. наук, доц., Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай.

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

The author

Dr Leonid V. Dubakov, Associate Professor, Shenzhen MSU-BIT University, China.

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru